Александр Галыга

Скорый поезд «Россия»

Александр Галыга

Скорый поезд «Россия»

«Издательские решения»

Галыга А.

Скорый поезд «Россия» / А. Галыга — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906403-5

В сборник вошли стихи автора о России 90-х, Родине, войне, людях. Как прекрасен мир и жизнь наша, даже во всей безысходности пирровых наших побед и бесконечности наших потерь. Будьте счастливы. Живите долго и красиво.На обложке картина «Саяны» А. Галыга

ISBN 978-5-44-906403-5

© Галыга А.

© Издательские решения

Содержание

О РОССИИ 6
Скорый поезд «Россия» 6
Эти сладкие сердцу места 7
Вот повырубили клён 15
Москва. Капкан аэрофлота 16
Была она как старая ворона 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Скорый поезд «Россия»

Александр Галыга

© Александр Галыга, 2018

ISBN 978-5-4490-6403-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О РОССИИ

Скорый поезд «Россия»

Скорый поезд «Россия» меня уносил на восток.
От себя отпускаю надолго родные края.
Ангару и Байкал и далёкий тункинский дымок,
моё детство и юность, и вас, дорогая моя.
На прощанье не плачьте, не делайте вслед мне упрек.
Ведь не зря оставляю надолго свои берега…
И не зря скорый поезд уносит меня на восток.
Мне Россия везде и всегда словно мать дорога.
Скорый поезд Россия, судьбы нашей трудной экспресс
то срываешься вниз,
то опять устремляешься ввысь…
И в экране окна то проносятся скалы, то лес,
и не думаем мы,
что так быстро проносится жизнь.

Эти сладкие сердцу места
Поэма

Моему родному дяде
Сизых Анатолию Ананьевичу посвящается

I

Россия, мать моя Россия,
благословенная земля,
где есть места и мне родные
где вырос, где родился я.

Земля и пролетариата,
и патриархов и вождей,
и неизвестного солдата,
сирот, и вдов, и тех детей,
что без отцовского участья
выходят в люди. Им бы дать
того сыновиего счастья,
что не купить и не продать.

Земля родимых бедных мамок,
взаймы не взять морщин с лица.
Земля сосновок, черемшанок,
где с трёх ступенечек крыльца
твоя, Россия, перспектива
как на ладони вся сия.
Она заманчиво игрива
на то она и перспектива
недостижимая моя.

Где плавят кровь и соки наций
без всяк на то ненужных нужд
и в цветники администраций,
и очень многих прочих служб.

И где у подворотни свейской
и реверанс и па-де-де,
и на нашивке милицейской
трёхцветный флаг и МВД.

Где электричкою блаженный
ползу сто вёрст за три часа,
где люди не спеша, степенно
живут до самого конца.

Где водку пьют и дебоширят

с размахом, чёрт меня дери!
Жаль нашей удали и шири,
и дали нашей не видали
«американцы – дикари».

II

Так вот, родился я в Сибири,
в деревне Новая Када,
куда со всей вселенской шири,
я повторюсь ещё о шири
пожалуй раза три-четыре,
не заходили поезда.

С отцом на шкурине медвежьей
три мал-мала, но сорванца…
Обычай был старинный здешний
поперебарывать отца.

Он бравым был, жаль пожил мало,
жаль, что с военной стороны
солдата пуля доставала
десятки лет после войны.

И в семь моих годков над взвозом
нас озарило будто бы…
Мы отжигали твердь колхозом
три ночи, в самые морозы,
а утром ставили столбы.

Лампадка царская с лучиной
враз догорела, и включили
нам сверху лампу Ильича,
и в клубе братовья учили
чарльстон и твист, и ча-ча-ча.

III

Ходил и я когда-то в первый класс.
Дорога в школу – тротуар дощатый,
открыта книга и уже Пегас
витает мой над Танечкиной партой.

Но глупостей наделать невпопад
с косичкой одноклассницы, наверно,
мне не давал спокойный умный взгляд
моей родной учительницы первой.

Учительница первая моя
в глубины знаний, в голубые дали
вела меня, и буду помнить я

тепло и свет, что вы мне передали.

Я не забуду вашей доброты,
настойчивости, строгости и ласки,
и первой книжки, что осилил ты,
зелёный желторотик-первоклашка.

Учительница первая моя,
как добрая заботливая птица,
вы требовали с нас от А до Я
и беспощадно мучили таблицей…

Давно мы улетели из гнезда,
из гнёздышка уютного, родного.
Пусть скажут: сентименты, ерунда,
но знаю я, что в жизни никогда
уже не будет гнёздышка такого.

Учительница первая моя,
как добрая заботливая птица,
ты будешь узнавать, как дальше я
учусь, живу, а ты мне будешь сниться.

И, вырвавшись из вечной суеты,
я в гнёздышко родное к милой птице
всё ж не забуду принести цветы,
пусть десять лет пройдёт, пусть даже тридцать.

И может за полжизни не понять,
что всех роднее в самой вольной воле
есть дом родной, и родина, и мать,
и первая учительница в школе.

IV

О годы детства, милая земля!
Те чистые, заветные страницы.
Любимые. Друзья. Учителя…
Но время как невидимая птица

за годом день, за годом день и год…
уносит наши школьные страницы
и круче жизнь берёт в круговорот
и невозможно в нём остановиться…

Одиннадцатый класс. Прощальный вальс.
Взволнованные пары проплывают.
Остановись мгновение! Для нас
он школьную страницу закрывает.

Звонок последний. Наш любимый класс
оставит скоро стены милой школы,
и вальс прощальный, памятный для нас
нам кажется и грустным и весёлым.

Учителя да не забудут нас!
И никогда для нас не постареют.
Их добрые сердца и этот вальс
пусть долго, долго нас стобою греют.

Пусть новые дороги и года
нас закружат, и юность не вернётся,
но ты не верь, что снова никогда
всем вместе нам собраться не придётся.

V

И этак, лет уже в семнадцать,
я сердцем начал понимать,
что Родина большая, братцы,
что больше, чем семья и мать,
которая тебя, лелея,
взрастила и передала
любовь к земле, благоговея,
всё доброе, всё что смогла.

С гитарой, чудом наспех взятых
стихах, – был Визбор на устах,
романтика шестидесятых
нас уносила в поездах.

Хотелось жить, творить, работать,
крепить великий наш союз,
союз труда, союз народов
и прочих нерушимых уз.
Но кто-то с горочки спустился
и свет кремлёвских звёзд угас,
и что-то в нас переломилось,
и что-то надломилось в нас.

VI

Коммунист по призванью
и вышел я по убеждению
гордо в тень и не зря
с поимевшего крен корабля.
Мне досадны до боли
как нелепейшее наваждение
этот вздор, это бред,
эти муки седого Кремля.

Я исправно платил
алименты, налоги и взносы.
И партийную кассу
был до гроба готов пополнять.
Но скажу откровенно
с пониманием сути вопроса:
культ стерпел и застой,
перестройку не в силах принять.

Перестройка нужна,
только тактика тонкое дело.
Но у нас лихо рубят,
и головы щедро летят.
Демократия слепо
избирает кумиров и смело
так же слепо сметает,
не хотят они или хотят.

И пока мой народ
исправляет ошибки вождевы,
и по новому хочет
и смеяться, и плакать, и петь
не зовите меня
в этот рай ваш задрипанный новый
отзвенел и устал я
как старая трубная медь…

VII

Верховиком в огне-пожаре
гудели толпы меж вокзалов,
и в этой музыке базарьей
игриво скрипка флиртовала.

Была молоденькой скрипачка,
и на глазах у трёх вокзалов
за баснословную подачку
в стакане муть подогревала.

И, окропляясь мутью брызг,
все приезжали, уезжали…
Бомжи, пообмочившись вдрызг,
рядками возле стен лежали.

Так разлетались вникуда
осколки лоскутной России.
Шумела мутная вода.
Играла скрипочка. Босые
шпанцы шныряли и жульё,
и поколеньям в назиданье

опережало бытие,
по-настоящему, – сознанье.

И я уже под скрипий плач
проплыл в толпе изнеможённой,
как обезумевший скрипач
пред Афродитой обнажённой.

Москва. По-прежнему мила
не только сердцу моему ты.
Всех обогрела, всем дала,
а стоило ли всем? Кому же
эмансипированной стервой
в угоду, выпорона впрок,
ты стала проституткой первой
на перекрестии дорог?

Москва, пойми меня, родная,
ты заслужила мой упрёк,
ты – проститутка мировая
на стыке мировых дорог.

Пойми, смеются даже дети.
Пусть опостылел коммунизм,
но для кого десятилетье
так низко падаешь ты вниз?

Ответь же за разгул насилья,
за порнографию, развал,
иль одолела злая сила
и бьёт в промежье наповал,

вливая яд цивилизаций
в твои всеядные места?
Я ошибаюсь, ты не та,
и бред моих версификаций
лишь детский лепет, дикий сон.
Но отчего, моя столица,
к тебе не хочет возвратиться
когда-то изгнанный Гвидон?

И ты базарной торгашихой
всё обираешь свой народ,
жируешь весело и лихо,
да и не первый, видно, год,

из-за высот твоих строений
российской не видать земли,
иль разучились короли

внимать людские настроенья?

Не видишь: сёла обнищали,
налог звереет, кровосос,
что каждый год с тоски-печали
там умирает сам Христос.

И я как нищий выживаю
в нужде, в никчёмной суете
и не ору, не призываю
к тому, что родина в беде.

VIII

Жизнь разменяв на полдороге
на бред в обочинной пыли…
Шагает сердце, бьются ноги
култышками о костыли.

И вовсе никому нет дела,
что ты убогий инвалид.
У равнодушья нет предела,
у всех по-своему болит.

Но сердце лишь кому-то нужным
желает быть в твоей груди,
желает быть великодушным
к тому, чьё горе впереди.

Я вижу, как туманы тают,
как лижет травы суховей
и вновь душою улетаю
я к малой родине своей.

В уют далёких деревенек,
в послевоенный тот уют,
где к баньке только свежий веник
по воскресеньям выдают.

Где подналечь пришлось на вёсла,
врубясь в сутунок топором,
и поосвоить те ремёсла,
чем выживал сибирский дом.

За бичевою плоскодонок,
чтоб невод шёл теченью вспять
ты должен изо всех силёнок,
не смазав тони, устоять.

И запрягать лошадку ловко,

до света въехать на паром
и целый день махать литовкой,
и до полночи – топором.

В закатной мгле идти с гагарой,
из лодки выпасть невзначай
и, согреваясь, пить, с наваром
корней шиповниковых чай…

И память бередит не просто
в каком бы ни был далеке
тот маленький Ананьев остров
под яром красным на Оке.

90-е

Вот повырубили клён

Н.Р.Комкову

Вот повырубили клён. Горевал
я о нём и неспроста: он шумел.
По живому. Остриём. Наповал.
Чтобы застить бела света не смел.

Чтоб у старых стен не пел, не стенал
он ночами на ветру и дожде.
Чтоб о молодости не вспоминал
и не думал о судьбине-нужде.

Долго-долго будет вновь отрастать
по тростиночке младенец-побег,
родословная его – умирать
и безродному являться на свет.

А кому в роду временщиковать
зло и долго по живому и впрок,
и покуда есть кому горевать,
не в обиду мой укор и упрёк.

Вся Россиюшка из пней и крестов.
Где не кинешь, всюду поле чудес.
Разгадать тебя весь мир не готов,
мой бедовый, мой измученный лес.

Зашуметь бы, да поднять не готов
боль свою среди кровавых небес.
Так и плачет среди пней и крестов
мой бедовый, мой измученный лес.

Москва. Капкан аэрофлота

Москва. Капкан аэрофлота.
Кончиной лета на устах
лежит кошмар переворота.
И август, добрый месяц года,
шагнув в Никитские ворота,
встал и застыл. В его глазах,
как, впрочем, и в угрюмых лицах,
и в тяжком воздухе столицы,
маячил, разрастался страх.
И тихо плакал август года,
решётки чёткие у входа
дождём стыдливо омывал,
но между делом понимал,
не сомневаясь ни на йоту,
что правый путч – не правый путь,
и там, на площади Свободы,
в толпе ликующей народа
предобречён его провал.
Но было грустно от чего-то,
за правым левый, снова правый,
месть без пощады и расправы,
как исстари у нас велось.
И этот рынок пресловутый,
где все «накормлены», обуты,
одеты и свободны все…
Где, как на дыбе-колесе,
всё веселей день ото дня.
И где при всём честном народе
в реке горючих русских слёз,
купанье красного коня…
О, боже! Чтоб не довелось…

90-е

Была она как старая ворона

Была она как старая ворона.
И плащ её, и горбик на спине,
и лоск волос ее полуувядших сонный
отливом седи бежево-зелёной
к почтеннейшей стремился седине.
Был замкнут взгляд и накрепко опущен,
и поступь нарочито-тяжела…
За что её к толпе, зверьём ревущей,
в малиновые рыночные кущи
нечистая какая занесла?
Уж, не за раболепье ли тридцатых,
за боль и кровь, и скорбь сороковых,
за нищенский надрыв тех злодесятых
и этих девяностых роковых?
Как стала, впрямь, от гласности глупея,
и проститутократия нагла,
чтоб голым задом увести плебея
от прокоммунистической идеи,
а у того в душе колокола.
Колокола, колокола Россеи,
оглохни сердце, беса не впусти.
Так, насмешить, так дух Руси рассеять,
что едут к нам варяги-одиссеи,
чтобы в который раз её спасти.
Старушка мать, как все тут понимают
как ты бедна, как ты обделена.
Здесь «плюрализма», да и ты вольна
понять сама, будь проклята, страна,
где старцев, как ворон, не замечают,
где всё людьё – одна кочевья стая,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.